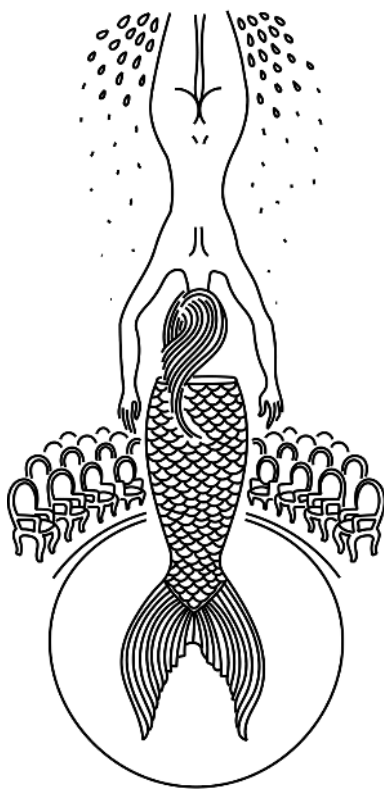

МАГИЯ ЖИЗНИ.

ПРОЗА ДЖОАНН ХАРРИС И ЭЛИС ХОФФМАН

ЭЛИС ХОФФМАН
ПАНОПТИКУМ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

X85

Alice Hoffman

The Museum of Extraordinary Things

Copyright © 2014 by Alice Hoffman

Перевод с английского *Л. Высоцкого*

Оформление серии и иллюстрация
на переплете *М. Дорошенко*

Хоффман, Элис.

X85 Паноптикум : [роман] / Элис Хоффман ; [пер. с англ. Л. Высоцкого]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с.— (Магия жизни. Проза Джоанн Харрис и Элис Хоффман).

ISBN 978-5-699-92147-8

1911 год. На Лонг-Айленде появляется странный человек. Профессор Сарди, фанатик с тайным прошлым и аурой доктора Франкенштейна, собирает паноптикум — зловещий музей, чтобы продемонстрировать людям чудеса жизни. И Коралия, привыкшая к трудностям девочки, становится таким чудом. Вместе с ней выступают и другие: Девушка-бабочка, Мальчик из джунглей и Человек-волк. Внимание публики и доброта новых друзей нравятся Коралии, но однажды все меняется. Страшная находка, труп с зашитым синими нитками ртом, пугает ее и заставляет задуматься. Постепенно Коралия понимает: ей нужно бежать от профессора и начать новую жизнь, иначе может быть поздно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© **Высоцкий Л.**, перевод на русский язык,
2016

© **Издание на русском языке, оформление.**

ISBN 978-5-699-92147-8

ООО «Издательство «Э», 2016

Я слышал, о чем говорили говоруны,
их толки о начале и о конце.
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.

Уолт Уитмен. «Песня о себе»

Элсе Хагфруан

ОДИН

Мир в стеклянном шаре

КАЗАЛОСЬ БЫ, уже невозможно найти в мире что-нибудь новое — какие-нибудь сверхъестественные явления или невиданных существ, при создании которых природа отступила под натиском непостижимых фантастических сил. Но я смею заверить, что такие вещи существуют: под водой обитают животные величиной со слона, имеющие сто ног, а с небес сыпятся раскаленные камни, прожигающие дыру в атмосфере и падающие на землю. Встречаются очень странные мужчины, которым приходится прятать лицо, чтобы спокойно пройти по улице, и женщины с такими своеобразными чертами, что они предпочитают жить в комнатах без зеркал. Когда я была маленькой, отец старался изолировать меня от подобных аномалий, хотя жила я прямо над Музеем редкостей и чудес, которым он владел. Наш дом на Кони-Айленде был четко поделен на две половины: в одной жили мы, в другой располагался музей. Таким образом, отец никогда не расставался с тем, что он любил больше всего на свете. Дом был построен в 1862 году, когда Кони-Айленд соединили с Бруклином первой железной дорогой на конской тяге. Отец расширил его, пристроив большой зал, где демонстрировались нанятые им «живые чудеса», которые выглядели или вели себя

крайне необычно, так что люди охотно платили деньги, чтобы на них посмотреть.

Отец был и ученым, и фокусником, но заявлял, что истинную природу человека раскрывает лишь художественная литература. Когда я была еще совсем маленькой, он давал мне читать стихи Уитмена и пьесы Шекспира. Эти великие произведения просветили меня, и я поняла, что всё, созданное Богом, — само по себе чудо. Роза — верх красоты, но экспонаты, выставленные в музее отца, не уступали ей. Каждый из них был со вкусом помещен в стеклянную банку с раствором формальдегида. Все экспонаты были уникальны: вполне сформировавшийся младенец без глаз, держащиеся за руки зародыши обезьянок-близнецов, крошечный белый как снег аллигатор с огромной пастью. Я часто сидела на ступеньках лестницы, напрягая зрение, чтобы разглядеть в темноте эти диковины. Я верила, что каждое из этих уникальных существ несет на себе печать Бога и является настоящим чудом, гимном нашему Творцу. Если мне надо было пройти через музейный зал в небольшую комнату, обшитую деревянными панелями, где находилась библиотека отца и где он читал мне вслух книги, он завязывал мне глаза, чтобы меня не шокировали полки со всякими редкостями, ради которых публика валом валила в музей, особенно летом, когда все пляжи и роскошные парки были переполнены людьми с Манхэттена, приехавшими в экипажах и на паромах, на трамваях и пароходах. Но ткань, которой отец меня обматывал, была муслиновой, и, открыв глаза пошире, я видела сквозь нее все необыкновенные вещи, которые отец собирал в течение многих лет: руку с восемью пальцами, человеческий череп с рожками, останки длинноно-

гой ярко-красной птицы, которая называлась розовой цаплей, обломки скал со сверкающими желтыми прожилками, которые мерцали в темноте, как будто в заточении внутри камня находились какие-то звезды. А еще там была челюсть древнего слона, которого звали мастодонтом, ботинки некоего гиганта, найденные в горах Швейцарии, и многое другое, вызывавшее у меня жгучий интерес. При виде этих диковинных экспонатов у меня мурашки бегали по коже от страха, но вместе с тем я чувствовала, что я дома, хотя и понимала, что жизнь в музее — это что-то особенное. Иногда мне снилось, что банки с экспонатами разбились и весь пол музея залит жуткой зеленой смесью воды, соляного раствора и формальдегида. Очнувшись от этого кошмара, я обнаруживала, что подол моей ночной рубашки весь мокрый, и задавалась вопросом, так ли уж далек реальный мир от мира снов. Моя мать умерла от инфлюэнцы, когда я была еще младенцем, и я совсем не помнила ее, однако всякий раз, пробуждаясь от сна, где меня преследовали страшные чудовища, дрожа от страха и плача, я страстно желала, чтобы у меня была любящая мать. Мне всегда хотелось, чтобы отец убаюкивал меня какими-нибудь песенками и ценил меня не меньше, чем свои экспонаты, которые он нередко приобретал за очень большие деньги. Но у него никогда не было на это времени, и в конце концов я поняла, что для него главное — его работа, дело его жизни. Я была послушной дочерью — по крайней мере до определенного возраста. Мне не разрешали играть с другими детьми, которым показали бы странными мой дом и мой образ жизни, на улицы Бруклина меня без сопровождения тоже не выпускали, так как там были мужчины,

только и ждавшие удобного момента, чтобы напасть на невинную девочку вроде меня. Когда-то давно Кони-Айленд, который индейцы называли Нарриоч, представлял собой пустынную местность, где зимой пасли коров с быками и лошадей. Голландцы переименовали его в Конин Эйландт, Кроличий остров, и считали, что от его песчаных берегов нет никакого проку. Теперь же некоторые говорят, что Кони-Айленд — нечестивое место, почти как Содом, и что люди здесь не думают ни о чем, кроме удовольствий. В некоторых районах — таких, как Брайтон-Бич или Манхэттен-Бич, где миллионеры устраивали свои поместья, ходили местные поезда с кондукторами, которым платили за то, чтобы они не пускали в вагоны всякий сброд. Поезда для простых людей отходили от станции у Бруклинского моста, и требовалось чуть больше получаса, чтобы достичь районов на океанском побережье. В 1908 году под Ист-Ривер провели линию метро, и масса жителей получила возможность вырваться летом из душающей манхэттенской жары. Кони-Айленд был островом контрастов. С одной его стороны находились неблагополучные районы, где людей попеременно развлекали и обворовывали в домах с плохой репутацией и салунах, с другой — были построены металлические павильоны и тирсы. В год, когда я родилась, великий Джон Филип Суза¹ со своим оркестром устроил здесь концерт прямо под звездами. Кони-Айленд был для всех прежде всего Островом Мечты: таких аттракционов, как здесь, не было боль-

---

¹ Джон Филип Суза (1854–1932) — капельмейстер духового оркестра и композитор, прозванный «Королем маршей» (здесь и далее примечания переводчика).

ше нигде, они, казалось, существовали вопреки закону гравитации, имелись здесь и заведения для азартных игр, а залитые электрическим светом концертные и танцевальные залы сияли так, будто там был пожар. Это здесь некогда стоял отель, построенный в форме слона, — он горделиво возвышался на 162 фута над землей, пока не сгорел дотла. Это здесь были созданы первые «американские горки», вслед за которыми подобные сооружения, все более сложные и все большие захватывающие дух, стали возводиться и в других местах.

Самыми большими парками были Стилчейз и Луна-Парк. В последнем гвоздем программы был знаменитый конь по кличке Кинг, нырявший в бассейн со специальной вышки. На Сёрф-авеню строился целый город развлечений с подходящим названием Дримленд¹. Его башни были видны даже из нашего сада. Да и вдоль всей улицы вплоть до Оушен Парквей стояли сотни аттракционов, так что у людей глаза разбегались, и я не представляю, как им удавалось что-то из этого выбрать. Мне казалось, что самое красивое — это карусели с фигурами волшебных животных, усыпанными драгоценностями. Многие из них были изготовлены еврейскими мастерами с Украины. В нижней части Дримленд-Парка была установлена трехъярусная карусель под названием Эльдorado, настоящее чудо, представлявшее самых разных зверей. Больше всех мне нравились свирепые тигры со светящимися изнутри зелеными глазами, а еще, конечно, лошади с развевающимися гривами. Они были совсем как живые, и я воображала, что мне разрешили сесть

¹ Dreamland — страна мечты (англ.).

на одну из них, и я скачу далеко-далеко, чтобы никогда не вернуться...

Повсюду было электрическое освещение. Электричество змеилось по всему Бруклину, превращая ночь в день. О его мощи можно было судить, когда казнили электрическим током бедного слона по кличке Топси, который набросился на жестокого укротителя, издевавшегося над ним. Эдисон собирался доказать, что его вид электричества безопасен, в то время как его соперник Вестингауз¹ изобрел то, что представляет опасность для человечества. Если изобретение Вестингауза способно убить такое толстокожее животное, что же оно может сделать с человеком?! Как раз в тот день мы с нашей экономкой Морин возвращались с рынка и проходили мимо места казни. Несмотря на январский мороз, собралась огромная возбужденная толпа зевак, жаждущих развлечения.

— Пошли, пошли, — сказала Морин, не сбавляя шага, и потянула меня за руку. На ней были вязаное пальто и зеленая фетровая шляпа, самый драгоценный предмет ее гардероба, приобретенный в знаменитом шляпном магазине на Двадцать третьей улице Манхэттена. Жажда крови, охватившая толпу, вызывала у нее отвращение, которое она и не думала скрывать. — Шагу нельзя ступить, чтобы не столкнуться с людской жестокостью.

Мне казалось, что Морин не совсем права, потому что некоторые люди относились к несчастному слону с сочувствием. На одной из скамеек сидела рядом со своей матерью девочка, которая смотрела на Топси и плакала. Она явно осуждала происходящее и казалась

---

¹ Джордж Вестингауз (1846–1914) — американский промышленник, инженер.

маленьким скорбящим ангелом, демонстрирующим свое неодобрение. Я же никогда не смела показывать свои истинные чувства, тем более неудовольствие. Мне хотелось сесть рядом с этой девочкой, взять ее за руку и поговорить с ней по-дружески, но меня тянули прочь от жестокого зрелища. У меня, по правде говоря, никогда не было друзей моего возраста, хотя я мечтала с кем-нибудь подружиться.

Тем не менее я обожала Бруклин с его волшебством. Он был моей школой: несмотря на то, что закон об обязательном среднем образовании был принят еще в 1894 году, никто не следил за его соблюдением, и пренебречь посещением школы было нетрудно.

Мой отец, в частности, написал в местный школьный совет, что я не могу посещать школу по состоянию здоровья, и там приняли это заявление, не требуя никакого подтверждения. Так что я училась в замечательной классной комнате — Кони-Айленде. Это была волшебная страна, созданная из папье-маше, стали и электричества, сияние которого было видно за много миль. Какая-нибудь другая девочка, подвергаясь ограничениям, с какими я мирилась, связала бы лестницу из лоскутьев простыни или из собственных волос и убежала бы через окно, чтобы окунуться в кипящую вокруг жизнь со всеми ее развлечениями. Но всякий раз, когда у меня возникали столь дерзкие мысли, я стискивала зубы и говорила себе, что я неблагодарная дочь. Я была убеждена, что мама, будь она жива, расстроилась бы, если бы я не послушалась отца.

Отец нанимал на летний сезон пару десятков человек, обладавших уникальными качествами или талантами, и они выступали в выставочном зале музея по нескольку раз в день. Мне запрещалось разговари-

вать с ними, хотя я очень хотела послушать истории из их жизни и узнать, что привело их в Бруклин. Но отец говорил, что для этого я еще слишком мала. Детей младше десяти лет в музей не пускали, так как они слишком впечатлительны. Меня отец тоже причислил к группе чересчур ранимых. Если кому-то из артистов случалось пройти мимо меня, я была обязана опустить глаза, сосчитать до пятидесяти и сделать вид, что этого человека не существует. Состав труппы с годами менялся, некоторые раз за разом возвращались с наступлением нового сезона, другие бесследно исчезали. Мне так и не довелось познакомиться поближе ни с сиаемскими близнецами, чьи бледные лица с заметно выступающими венами были абсолютно одинаковы, ни с человеком с остроконечной головой, который дремал в перерывах между выступлениями, ни с женщиной с такими длинными волосами, что она могла на них наступить. Все они покинули нас прежде, чем я научилась говорить. Так что мои воспоминания складывались из того, что видели мои глаза. Мне все эти люди никогда не казались страшными и уродливыми, они были уникальными, восхитительными и ужасно храбрыми, так как не боялись раскрыть свои самые интимные тайны.

Став постарше, я, вопреки запрету отца, смотрела по утрам из окна, как эти люди приходят в музей, освещенные летним солнцем. Многие из них, несмотря на теплую погоду, надевали плащи и накидки, чтобы на улице на них не таращили глаза или, чего доброго, не избили бы. Отец называл их «чудесами», но для всех остальных они были уродами. Бедняги прятались от чужих глаз, боясь, что их побьют камнями или сда-

дут в полицию, что дети при виде их будут плакать и орать от ужаса. У большинства окружающих они вызывали отвращение, и поскольку не было закона, который защищал бы их, с ними часто обращались жестоко. Я надеялась, что они обретут покой хотя бы на нашей террасе, в тени грушевого дерева. Отец приехал в эту страну из Франции. Он называл себя профессором Сарди, но это было вымышленное имя. Когда я спрашивала, как его звали на самом деле, он отвечал, что это никого не касается. У каждого из нас есть свои секреты, часто повторял он, кивая на мои руки в перчатках. Я считала отца мудрым и выдающимся человеком, подобно тому, как Бруклин был для меня чуть ли не раем, где творятся чудеса. Профессор придерживался принципов, которые многим показались бы, скорее всего, странными, — это была его личная философия здорового образа жизни и обеспеченного существования. Он отказался от трюкачества ради науки и говорил, что в ней гораздо больше чудес, чем в карточных фокусах и ловкости рук. Именно поэтому он стал коллекционировать все редкое и необычное и составил строгий распорядок всей нашей жизни, предусмотрев все до мельчайшей детали. Обязательным компонентом нашего ежедневного рациона была рыба, потому что отец верил, что мы перенимаем свойства того, что едим, и хотел, чтобы я стала похожа на рыбу. Мы купались в ледяной воде, полезной для кожи и внутренних органов. Отец сконструировал для меня дыхательную трубку, дабы я могла по часу и больше мокнуть в ванне, не высовываясь из воды. Мне было достаточно уютно в водной стихии — как в материнской утробе, вскоре я уже не чувствовала холода и все больше привыкала к тем-